

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ФРЕЙМА КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ДОГОВОРОВ АРЕНДЫ)

Modeling of the Integral Frame as a Method
of Detecting Translation Difficulties
(Exemplified by the Russian and Spanish Rental Contracts)

*Мария Алексеевна Хрусталева
cristalik1982@list.ru*

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)*

*Арина Алексеевна Афанасьева
arina-af@inbox.ru*

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)*

Mariya A. Khrustaleva
cristalik1982@list.ru
Perm State University (Perm, Russia)

Arina A. Afanseva
arina-af@inbox.ru
Perm State University (Perm, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 22.09.2020

Fecha de evaluación: 20.12.2020

Cuadernos de Rusística Española n° 16 (2020), 237 - 249

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье предпринята попытка создания когнитивной модели двух концептов «договор аренды» и «contrato de arrendamiento», которая формируется в сознании переводящей личности на этапе предпереводческого анализа. В процессе построения интегрального фрейма учитывается специфика юридического дискурса. Через моделирование интегрального фрейма обоих концептов выявляются сходства и различия вербализующих их лексических элементов. Это позволяет сформировать категоризационно-концептуальную основу для понимания смысла исходного текста, а также проследить семантику документа, имеющегося в культуре языка перевода, что способствует процессу более грамотной и полной интерпретации. Выявленные различия в вербализации обозначенных концептов представляют собой потенциальные переводческие трудности, преодоление которых видится возможным при обращении как к сконструированной когнитивной модели, так и к дополнительной литературе на языке оригинала и перевода в рамках юридического дискурса.

Ключевые слова: юридический дискурс, концепт, когнитивное моделирование, интегральный фрейм, перевод.

ABSTRACT

An integral cognitive model of Spanish and Russian rental contracts' concept that forms at the stage of pre-translational analysis is presented in this article. The specific features of legal discourse are taken into account in the process of forming an integral frame. With help of modeling such a frame, the similarities and differences of the lexemes that verbalize two concepts are revealed. This process makes it possible to form a categorization and concept basis for understanding the meaning of the source text and to reveal the semantics of the document in the target language. It can help to facilitate the procedure of more competent and complete interpretation. The revealed differences in the verbalization of the concepts represent potential translation difficulties that may be overcome when referring to both – the constructed cognitive model and additional literature in the source and target languages within the framework of legal discourse.

Key words: legal discourse, concept, cognitive modeling, integral frame, translation.

Как известно, в настоящее время наука часто обращается к различным сферам, стремится к междисциплинарному синтезу знаний, а также имеет тенденцию комплексному подходу при исследовании объекта. Изучение языка и его проявлений с помощью привлечения лингвистических и экстралингвистических сведений дает возможность не только расширить границы традиционного понимания объекта, но и обозначить новые перспективы его исследования. Учитывая данную тенденцию, категории лингвистики также рассматриваются с позиций когнитивной науки, поскольку на современном этапе особо важным оказывается понимание того, как человек-носитель языка способен воспринимать, обрабатывать, трансформировать и передавать знания. В этом отношении полагаем, что когнитивная лингвистика владеет тем инструментарием, который может дать ключ к пониманию данных процессов.

Данный раздел лингвистики рассматривает и изучает язык как когнитивный инструмент для кодирования и трансформации информации, а задача когнитивной лингвистики состоит в изучении системы переработки данных и выявлении важнейших принципов ее функционирования. Подчеркнем, что в механизмах языка существенными являются не только мыслительные структуры, но и их материальное воплощение в виде знаков. Когнитивная лингвистика рассматривает «ментальные» основы понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации» (Кубрякова 1997: 53). Думается, что результаты исследований в данной области способны не только раскрыть механизмы человеческой когниции в целом, но и обозначить пути и способы формирования концепта, в частности.

Концепт является одной из основных категорий когнитивной лингвистики и представляет собой мыслительное, ненаблюдаемое образование, а существующие толкования концепта свидетельствуют о его многогранной природе. К примеру, В. В. Красных определяет концепт как «максимально абстрагированную идею «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» (Красных 2003: 272). Несколько другую дефиницию предлагает Д. С. Лихачев: «концепт — личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения» (Лихачев 1997: 281). Е. С. Кубрякова, в свою очередь, рассматривает концепт как «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, результатов всей

человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некой совокупности знания» (Кубрякова 1997: 90).

В настоящей статье концепт понимается как индивидуальное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и имеющее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении.

Подчеркнем, что язык представляет собой одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, своеобразной упорядоченной совокупности концептов, а также к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Поскольку сфера когнитивной лингвистики включает в себя ментальные основы понимания и воспроизведения информации, то возникает необходимость рассмотрения когнитивного аспекта при изучении языкового материала. Когнитивный анализ предполагает исследование процессов восприятия и производства смысла через речь и язык и представляет собой моделирование концептуальной структуры, то есть выявление свернутой смысловой организации текста, поиск глубинных смыслов и раскрытие содержания текста в когнитивно-дискурсивном аспекте. Особо подчеркнем, что данный метод рассматривается нами как один из важнейших и действенных, так как он позволяет осуществить реконструкцию мыслительных процессов, происходящих в сознании индивида.

Таким образом, под когнитивным моделированием понимается процесс построения прототипа понимания текста как результата естественной обработки языковых данных, репрезентирующего концептуальное основание в вербализованном виде. Основной задачей современного когнитивного моделирования является представление специфики ментального содержания концепта в вербализованном виде для того, чтобы проникнуть и описать структуру номинативного поля концепта.

При рассмотрении концепта как ментального образования и, учитывая, что он имеет выражение в языке и предстает разными гранями в различных ситуациях, полагаем, что в качестве способа его представления возможно рассмотреть одну из моделей – фрейм. Данное понятие было введено в лингвистику Ч. Филлмором, который трактовал его как «единую схематизацию опыта или некоторого знания; группу слов, которые структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта» (Филлмор 1988: 54). Исходя из представленной дефиниции, можно сделать вывод о том, что фреймы способствуют обработке получаемых человеком данных, упорядочивают информацию, заключают в себе сведения, прогнозирующие дальнейшее протекание какого-либо события. Фреймы содержат самую важную, типическую информацию, а их составные части – слоты – образуют основу для организации вербальных репрезентантов концепта. Наряду с этим полагаем, что фреймы могут определять и описывать то, что является самым характерным в данном обществе, учитывая его этно- и социокультурные особенности.

Заметим, что значимым понятием когнитивной лингвистики также является дискурс: он тесно сопряжен как с окружающей социальной ситуацией и ментальными процессами индивида, так и с языковым проявлением его мыслительной деятельности. Данный термин также имеет множество различных определений, что отмечает В. В. Красных: «в сфере лингвистики термин «дискурс» используется для обозначения

феноменов разного порядка, спектр употребления данного понятия широк, а его понимание варьируется от почти синонимичного терминам «речь», «связная речь», «сверхфразовое единство», «текст», «завершенного речевого произведения» до «определенного типа ментальности», от «вербализованного работающего сознания» до «сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие» (Красных 2003: 111).

Авторы данной статьи будут придерживаться следующего определения понятия дискурс – ситуативная вербализованная речемыслительная деятельность, рассматриваемая как совокупность процесса и результата и обладающая как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами. Подчеркнем, что если рассматривать дискурс как результат, то он представляет собой совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. В случае анализа дискурса как процесса, он трактуется как вербализованная речемыслительная деятельность. Подытоживая, заключим, что дискурс имеет два плана – лингвистический, связанный с языком, проявляющийся в использованных вербальных средствах, и лингво-когнитивный, влияющий на создание и восприятие текстов.

Подобное замечание высказывает Л. М. Макаров, говоря, что «с одной стороны, дискурс обращен «вовне»: к ситуации или внешнему контексту высказываний, типу деятельности в малой группе, включающему широкий спектр переменных: антропологических, этнографических, социологических, психологических, языковых и культурных. Всякий анализ языковых явлений в контексте принадлежит сфере лингвистической прагматики. С другой стороны, дискурс обращен «вовнутрь» или к внутреннему контексту: к ментальной сфере общающихся индивидов, отображающей в том числе и факторы внешнего контекста, так как только став частью внутреннего мира человека, они могут влиять на его деятельность и общение» (Макаров 2003: 147).

Кроме того, немаловажен тот факт, что дискурс может быть подразделен на формы, называемые институциональными видами и «выделяемые на основе социолингвистических признаков» (Карасик 2002: 208). Институциональная форма дискурса – «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» (Карасик 1998: 190-191).

Обратимся к более детальному рассмотрению юридического дискурса, под которым в данной статье понимается детерминируемая определенными историческими и социокультурными нормами лингво-когнитивная деятельность и ее результат, направленные на координацию и контроль общественных отношений. Специфика юридического дискурса состоит в регулировании социальных отношений между индивидами, группами и институтами, а также в контроле их полномочий, прав и обязанностей. Наряду с этим выделим следующие отличительные черты данного дискурса: широкое использование специализированных понятий, клише и канцеляризм, устойчивое использование ограниченного спектра жанровостилистических средств, низкая контекстуальность. Для юридического дискурса также характерным является то, что он обладает интертекстуальностью –

наличием ссылок в одном законодательном тексте или ином официальном документе на другой, а также заимствований содержательных и формальных элементов из других правовых текстов. Данные связи между текстами юридического дискурса способствуют преемственности в праве. Часто интертекстуальность в юридическом дискурсе представлена путем присутствия в текстах наименований, цитат прецедентных законодательных актов для подтверждения правомерности выраженного.

Бесспорно, данный тип дискурса является институциональным, так как представляет собой коммуникацию в рамках института права. Соответственно, субъекты подчиняются определенным нормам, которые предопределяют когнитивную базу и устанавливают правила протекания взаимодействия. Вследствие этого думается, что в рамках юридического дискурса процесс концептуализации достаточно строго детерминирован, что проявляется, к примеру, в типизированности юридических документов. Это дает нам основание для сравнения двух вариантов его вербализации на примере российского и испанского договоров аренды для осуществления последующего перевода документа с испанского языка на русский язык.

Исследователи на протяжении долгого времени обращаются к рассмотрению и изучению механизмов человеческого сознания при восприятии смысла, полученного с помощью вербальных средств иностранного языка, его перекодирования и, наконец, его передачи на другой (родной) язык. Согласимся с А.А. Атабековой, которая отмечает, что при переводе «процедура понимания и интерпретации концептуальной структуры юридического текста включает понимание текста оригинала, смысл которого задан автором, интерпретацию концептов средствами языка оригинала, использование собственных фоновых знаний на языке оригинала, формирование субъективных смыслов (обуславливающих множественность интерпретации текста), переосмысление конститутивных компонентов фреймовой структуры концепта, их интерпретацию и объективацию средствами языка перевода» (Атабекова 2011: 86).

Заметим, что переводчик является своеобразным посредником между двумя культурами, каждая из которых, безусловно, имеет свои особенности, а переводящая личность при этом обычно принадлежит к одной из этих культур. Иными словами, переводчик, во-первых, распознает инокультурный концепт, выраженный средствами иностранного языка, во-вторых, сравнивает его с имеющимся в его сознании и родной культуре концептом, и, в-третьих, транслирует глубинные смыслы концепта средствами языка перевода, что позволяет передать «чужой» концепт с опорой на «родной» и обеспечить, таким образом, понимание реципиентом заложенных в исходном тексте смыслов. Вместе с тем, И. П. Рябкова, например, замечает, что из-за асимметрии концептов переводчик испытывает «столкновение в своем сознании различных когнитивных моделей — родной и иноязычной культуры — при порождении речи в процессе перевода», что вызывает у него затруднения (Рябкова 2011: 265).

Полагаем, что при осуществлении перевода юридических текстов целесообразным видится обратиться к категории фрейма, поскольку такой подход «позволяет обосновать необходимость сопоставительного анализа фреймовых структур в оригинальном и переводном юридических текстах, важность сравнения единиц данных структур для процедуры профессионально ориентированной культурно-

прагматической адаптации в юридическом переводе, которая должна предусматривать этап установления фреймовых соответствий в текстах на иностранном языке и языке перевода» (Атабекова 2012: 26).

В настоящей статье предложено изучение юридического дискурса как лингво-когнитивной деятельности и ее результата в специальной сфере через обращение к внутренней организации концепта. В качестве материала исследования выступают тексты испанского и российского договоров аренды жилого помещения, при этом их шаблоны имеются в открытом доступе в сети интернет (*Contrato de arrendamiento*: электронный ресурс, Договор аренды жилого помещения: электронный ресурс). Полагаем, что при работе с юридическими документами переводчик для более четкой и грамотной передачи смысла опирается на нормы права родной страны и стилистические черты, устоявшиеся в языке данного государства, но при этом он должен корректно воспроизвести и необходимые для понимания реципиента особенности иностранного документа.

Иными словами, взяв в качестве исходного текста (ИТ) один из имеющихся в открытом доступе договоров аренды на испанском языке, проведя его когнитивно-дискурсивный анализ, заключающийся в создании фрейма концепта *contrato de arrendamiento*, авторы статьи приступили к созданию переводного текста (ПТ) на русском языке. Далее, на этапе редактирования ПТ было обнаружено, что для трансляции смыслового единства ИТ оказывается недостаточным обращение к фрейму концепта *contrato de arrendamiento*, поскольку некоторые из вербализующих его лексем не имеют эквивалентов, а зачастую, само понятие, скрывающееся за языковой реализацией концепта, попросту отсутствует в русском языке. Отсюда показалась целесообразной идея смоделировать фрейм концепта *договор аренды* на материале российского документа и проанализировать также семантические корреляции между языковыми реализациями фрейма концепта *договор аренды*.

В конечном итоге, сопоставив два фрейма на уровне их структуры, изучив семантические корреляции между языковыми реализациями концептов *contrato de arrendamiento* / *договор аренды*, авторы статьи пришли к заключению, что необходимо обратиться не просто к моделированию концептуальной структуры в каждом из договоров по отдельности, но сформировать общий, объединяющий фрейм, основанный на уже проведенном когнитивно-дискурсивном анализе обоих текстов.

В связи с этим полагаем, что образовавшуюся в процессе восприятия иноязычного и русскоязычного текста когнитивную структуру возможно представить в виде интегрального фрейма. На этапе предпереводческого анализа происходит усвоение смысла текста на иностранном языке благодаря обращению переводчика к уже имеющемуся у него когнитивному опыту, к сформированной концептосфере родного языка. Известно, что переработка знания осуществляется через установление системы отношений нового с тем, что уже включено в ментальность. На наш взгляд, именно такая структура фрейма способна представить ментальную модель протекания переводческого процесса на первом его этапе, а также продемонстрировать одно из важнейших положений когнитивной лингвистики — разные языки по-своему структурируют знания о мире.

Таким образом, интегральный фрейм — это особый способ отображения когнитивной структуры специального знания, формирующийся в процессе

ментальной деятельности переводчика при сопоставлении типизированных текстов на двух языках. Интегральный фрейм призван задать проекцию логико-смыслового каркаса для трансляции заключенного в этих текстах содержательного компонента и обеспечить достоверность восприятия информации в языке-получателе. Учитывая, что этимологически «интеграция» (от лат. *Integratio* — «восстановление», «восполнение», «соединение») представляет собой процесс объединения частей в целое, считаем, что предлагаемая структура фрейма дает возможность сопоставить, дифференцировать и / или связать воедино глубинные смыслы, заключенные в текстах на двух языках. Это, в свою очередь, позволяет переводчику максимально полно транслировать выявленный и осмысленный содержательный компонент текста, который будет передан реципиенту в адаптированном виде и воспринят им естественным образом.

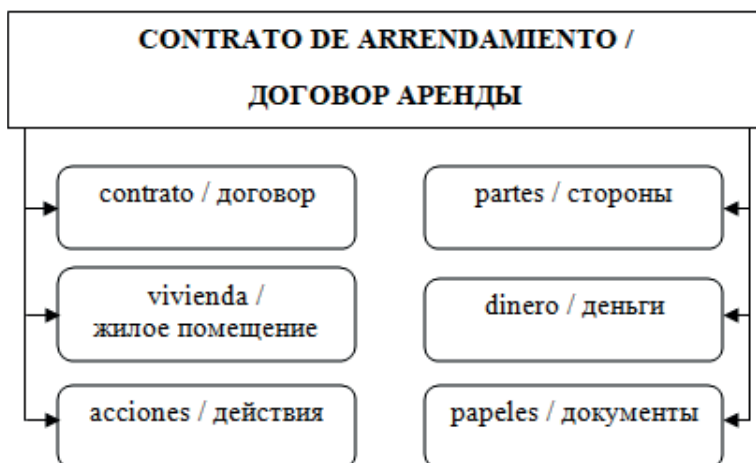
Характеризуя более подробно анализируемые юридические документы, заметим, что авторами статьи была предпринята попытка на примере перевода договора аренды с испанского языка на русский язык продемонстрировать действенность применения когнитивно-дискурсивного анализа, заключающегося в скрупулезном сопоставлении семантических связей между языковыми реализациями обоих концептов, что позволяет проследить ход речемыслительной деятельности переводчика и задать когнитивную проекцию перевода испанского договора аренды на русский язык, а механизмом создания такой проекции явился созданный авторами статьи интегральный фрейм концепта *contrato de arrendamiento* / *договор аренды*.

Предлагаемый тип фрейма отличает его особая структура, основанная на сопоставлении вербальных репрезентантов двух концептов, что позволяет выявить общее и частное в понимании одного и того же явления действительности и продемонстрировать протекание ментальной деятельности представителей двух языковых сообществ. Данный способ анализа языкового материала видится актуальным средством решения конкретных переводческих задач: специалисту нужно выявить не только схожие понятия, которые впоследствии будут являться опорой для трансляции смысла, но и различные понятия, которые окажутся своеобразной «преградой», требующую устранения при помощи дополнительных переводческих трансформаций.

Итак, в данном исследовании был проведен когнитивно-дискурсивный анализ испанского и русского договоров аренды, в ходе которого был сконструирован фрейм концепта *contrato de arrendamiento* / *договор аренды* (см. Схема 1). Так, в ходе изучения образцов договора аренды на первом этапе были выделены ключевые вербальные репрезентанты каждого документа, на втором этапе они были объединены в слоты, и на третьем — выявлены общие и различные элементы составляющих каждый фрейм концепта языковых реализаций.

Так, было обнаружено, что вербальные компоненты, составляющие испанский и русский договор аренды, организуются в одинаковые слоты: «*contrato* / договор», «*vivienda* / жилое помещение», «*acciones* / действия», «*partes* / стороны», «*dinero* / деньги», «*papeles* / документы» (см. Схема 1).

Схема 1. Интегральный фрейм

Так, слот «partes / стороны» (см. Схема 2). представляет собой важную составляющую договора, так как в нем отражены субъекты договора, без которых невозможно его существование, а также их характеристики. Синим цветом обозначен слот, образующийся в сознании переводчика при прочтении российского договора аренды, зеленым — испанского договора аренды. Красным выделены вербальные репрезентанты, которые не имеют прямого соответствия в обоих документах. На пересечении сфер находятся семемы, выражающие явление, которое имеется в текстах обеих культур.

Схема 2. Слот «partes / стороны»

Перейдем к рассмотрению пары «арендодатель» — «arrendador». Для осуществления семантического анализа обратимся к толковым словарям: «арендодатель — сторона договора аренды (имущественного найма), предоставляющая арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование» (Борисов 2010: 33). «Arrendador — parte del contrato de arrendamiento que pone a disposición de la otra las cosas, obras o servicios — objeto del contrato» (RAE: Diccionario del español jurídico) / «Арендодатель — сторона договора аренды, которая передает в пользование другой стороне имущество, предоставляет

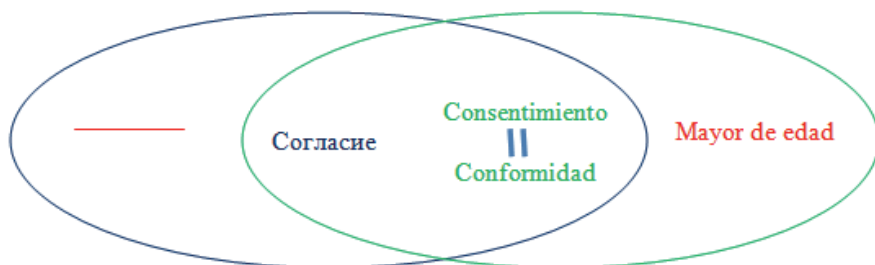
право на осуществление работ и получение услуг, составляющих объект договора». На наш взгляд, перевод данных лексем не представляется затруднительным, так как в обоих концептах заключены абсолютно схожие понятия.

Также в данном слоте можно обнаружить такой вербальный репрезентант как «mayor de edad» (см. Схема 2). Согласно определению, «mayor de edad — dicho de una persona: Que ha alcanzado la mayoría de edad» (RAE: Diccionario de la lengua española) / «Совершеннолетний — о человеке, достигшем совершеннолетия», тогда как «la mayoría de edad se alcanza a los 18 años» (RAE: Diccionario del español jurídico) / «совершеннолетним человек становится по достижению 18 лет». Иначе говоря, данным термином обозначается совершеннолетие, что подтверждают следующие слова: «в РФ возраст совершеннолетия установлен в 18 лет» (Борисов 2010: 688). Вместе с тем, в российском договоре аренды данный термин отсутствует в виду того, что договор аренды в России относится к гражданско-правовому виду контракта, который может быть заключен только совершеннолетними лицами, поэтому упоминать данный аспект не представляется целесообразным.

В подтверждение данных слов процитируем пункт 1 статьи 21 Гражданского Кодекса Российской Федерации: «Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста» (Гражданский кодекс Российской Федерации, Часть 1, статья 21).

Как наглядно демонстрирует интегральный фрейм, переводчик сталкивается с трудностью: передавать ли в переводе данную семему? Отвечая на поставленный вопрос, заметим следующее: поскольку «mayor de edad» / «совершеннолетний» является избыточным понятием в рамках русского понимания договора аренды, полагаем, что в переводе на русский язык данный термин целесообразно опустить.

Схема 3. Слот «стороны / partes»

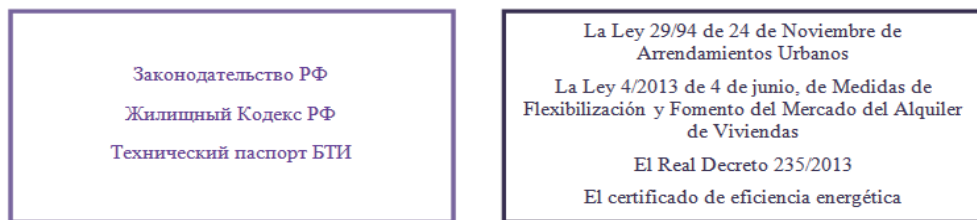

Отдельно отметим, что в данном типе фрейма также был обнаружен и отражен такой тип семантической связи как синонимия (См. Схема 3). На схеме он обозначен символом ||. На наш взгляд, выделение этого вида связи является важным элементом предпереводческого анализа, так как при переводе, к примеру, двум вербальным репрезентантам на испанском языке соответствует один русский, что позволяет значительно ускорить процесса перевода.

В слоте «partes / стороны» обратим особое внимание на пару вербальных компонентов «согласие» — «consentimiento» / «conformidad». Рассмотрим дефиниции данных понятий: «consentimiento — en los contratos, conformidad que sobre su contenido expresan las partes» (RAE: Diccionario de la lengua española) / «согласие — подтверждение сторонами контракта общности точек зрения относительно содержания договора». «Conformidad — declaración de voluntad por la que se muestra de acuerdo con lo expuesto en el escrito» RAE: Diccionario de la lengua española) / «согласие – волеизъявление, которое выражает принятие изложенного в документе».

Можно заметить, что определения данных слов переданы через одинаковые лексемы. Отсюда понятно, что данные семемы синонимичны и равносильны русской лексеме «согласие», которая, в свою очередь, представляет собой «разрешение, утвердительный ответ на просьбу» (Ожегов, Шведова 1995: 731). Продемонстрируем получившийся вариант перевода с испанского языка на русский язык: «Sin el *consentimiento* de la parte arrendadora, expresado por escrito...» / «Без получения письменного *согласия* от Арендодателя...»; «En prueba de su *conformidad*...» / «В подтверждение своего *согласия*...».

Схема 4. Слот «документы / papeles»

Особое внимание хотим обратить на слот «документы / papeles» (См. Схема 4). На этапе предпереводческого анализа было установлено, что в данном слоте у испанского и российского договора аренды общих элементов нет, так как законодательство у каждой страны имеет собственные черты. Исходя из этого, в ходе анализа вербализации данного слота обнаруживается переводческая проблема.

Предпримем попытку решить данную переводческую трудность и обозначим ход наших рассуждений. Рассмотрим один из законов Испании La Ley 4/2013 de 4 de junio, de Medidas de Flexibilización y Fomento del Mercado del Alquiler de Viviendas / Закон 4/2013 от 4 июня 2013 г. «О способах регулирования и развития рынка аренды жилья».

Обратимся к тексту законодательного акта для уточнения его содержания и значения:

«esta Ley tiene, por tanto, el objetivo fundamental de flexibilizar el mercado del alquiler para lograr la necesaria dinamización del mismo, por medio de la búsqueda del necesario equilibrio entre las necesidades de vivienda en alquiler y las garantías que deben ofrecerse a los arrendadores para su puesta a disposición del mercado arrendaticio» / «основной целью настоящего Закона является смягчение механизмов регулирования рынка аренды для достижения его динамики путем поиска необходимого баланса между потребностью в жилье для аренды и гарантиями, которые должны быть

предоставлены арендодателям для того, чтобы они вышли на рынок» (la Ley de Medidas de Flexibilización y Fomento del Mercado del Alquiler de Viviendas, preámbulo II).

Можем отметить, что настоящий закон призван обеспечить смягчение механизмов регулирования рынка аренды для обеспечения динамики его функционирования. По нашему мнению, наиболее удачный перевод в этом случае представляется следующим образом: *Закон 4/2013 от 4 июня 2013 г. «О способах регулирования и развития рынка аренды жилья»*. Данный способ передачи сохраняет аутентичность нормативно-правового акта, но наряду с этим он оформлен в знакомом для русскоязычного реципиента виде, так как, в Российской Федерации большинство законов содержат в себе наименование, которое обычно начинается со слов «О ... », дату принятия и порядковый номер» (Борисова 2008: 68). Заметим, что перевод через поиск близкого по смыслу нормативно-правового акта России не представляется целесообразным, так как это может привести к заблуждению. Более того, как известно, в Российской Федерации найм жилого помещения регулируется главой 34 второй части Гражданского кодекса, но не отдельным законом, как это происходит в Испании.

Таким образом, учитывая характерные черты юридического дискурса, полагаем, что возможно осуществить построение интегрального фрейма концептов двух юридических документов разных стран на этапе предпереводческого анализа. Такая структура фрейма призвана способствовать, во-первых, более глубокому пониманию переводчиком выраженного смысла в тексте на иностранном языке. Во-вторых, анализ документа на родном языке и создание его модели позволяет выявить специфику восприятия реципиента и характерные особенности текста. В-третьих, данная процедура обуславливает выделение общего концептуального основания двух культур, которое впоследствии станет фундаментом для перевода. Кроме того, структура интегрального фрейма выявляет различия в вербальной реализации концептов, которые могут представлять переводческие трудности, процесс преодоления которых происходит как при обращении к настоящему фрейму, так и к вспомогательным источникам, имеющимся в обоих дискурсивных сообществах.

Обращение к когнитивно-дискурсивному анализу языкового материала при переводе юридических текстов позволяет не только структурировать знание в специальной сфере, но и дает возможность проследить ментальные процессы, протекающие в сознании переводчика, выделить их специфику и впоследствии сформировать прочную концептуально-категоризационную опору для создания текста перевода, в качестве которой и может выступать предлагаемый авторами статьи интегральный фрейм.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АТАБЕКОВА, А. А. (2011): «Юридический перевод: интерпретация, адаптация, медиация», *Наука и бизнес: пути развития*, б. Изд-во «Фонд развития науки и культуры». Тамбов. С. 85–88.
- АТАБЕКОВА, А. А. (2012): «Профессионально ориентированная культурно-прагматическая адаптация в юридическом переводе: к основаниям концепции»,

- Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 17 (271). Изд-во Чел. гос. ун-та. Челябинск. С. 25–29.
- БОРИСОВА, Л. А. (2008): «Основные требования к тексту закона и их соблюдение при переводе», *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1. Изд-во Воронежского гос. ун-та. Воронеж. С. 66–71.
- КАРАСИК, В. И. (1998): «О категориях дискурса», *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Изд-во «Перемена». Волгоград. С. 185–197.
- КАРАСИК, В. И. (2002): *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Изд-во «Перемена». Волгоград.
- КРАСНЫХ, В. В. (2003): «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Изд-во «Гнозис». Москва.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (1997): *Краткий словарь когнитивных терминов*. Изд-во МГУ. Москва.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С. (1997): «Концептосфера русского языка», *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология*. Изд-во «Academia». Москва. С. 280–287.
- МАКАРОВ, Л. М. (2003): *Основы теории дискурса*. Изд-во «Гнозис». Москва.
- РЯБКОВА, И. П. (2011): «Асимметрия когнитивных признаков концепта как источник переводческих трудностей», *Вестник Челябинского государственного университета*, 57. Изд-во Чел. гос. ун-та. Челябинск. С. 264–267.
- ФИЛЛМОР, Ч. (1988): «Фреймы и семантика понимания», *Новое в зарубежной лингвистике*, 23. Изд-во «Прогресс». Москва. С. 52–92.
- СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА**
- La Ley 4/2013, de 4 de junio, de Medidas de Flexibilización y Fomento del Mercado del Alquiler de Viviendas*. 13 p. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2013/06/04/4/dof/spa/pdf>
- Real Academia Española y Consejo General del Poder Judicial. *Diccionario del español jurídico* (2016). Espasa. Madrid. URL: <http://dej.rae.es>
- Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española* (2014). Espasa. Madrid. URL: <http://dle.rae.es/?w=diccionario>
- Большой юридический словарь*. БОРИСОВ, А. Б. (2010). Изд-во «Книжный мир». Москва.
- Гражданский кодекс Российской Федерации, Часть 1, статья 21*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9e6e097ccc381775641f6a57435aa14a854c504c/
- Толковый словарь русского языка*. ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1995). Изд-во «АЗЪ». Москва.

МАТЕРИАЛ

- Contrato de arrendamiento. Retrieved from <https://www.legalitas.com/docs/divina-pastora/contratos/contrato-de-arrendamiento-de-vivienda.pdf>
- Договор аренды жилого помещения. Retrieved from <https://clck.ru/RSVF4>

BIBLIOGRAPHY

- ATABEKOVA, A. A. (2011): «Juridicheskij perevod: interpretacija, adaptacija, mediacija», *Nauka i biznes: puti razvitija*, 6. Izd-vo «Fond razvitija nauki i kul'tury». Tambov. S. 85–88.
- ATABEKOVA, A. A. (2012): «Professional'no orientirovannaja kul'turno-pragmaticeskaja adaptacija v juridicheskom perevode: k osnovanijam koncepcii», *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie*, 17 (271). Izd-vo Chel. gos. un-ta. Cheljabinsk. S. 25–29.
- BORISOVA, L. A. (2008): «Osnovnye trebovanija k tekstu zakona i ih sobljudenie pri perevode», *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 1. Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. Voronezh. S. 66–71.
- FILLMOR, CH. (1988): «Frejmy i semantika ponimaniya», *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 23. Izd-vo «Progress». Moskva. S. 52–92.
- KARASIK, V. I. (1998): «O kategorijah diskursa», *Jazykovaja lichnost': sociolingvističeskie i jemotivnye aspekty*. Izd-vo «Peremena». Volgograd. S. 190–191.
- KARASIK, V. I. (2002): *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs*. Izd-vo «Peremena». Volgograd.
- KRASNYH, V. V. (2003): «Svoj» sredi «chuzhij»: mif ili real'nost'? Izd-vo «Gnozis». Moskva.
- KUBRJKOVA, E. S. (1997): *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov*. Izd-vo MGU. Moskva.
- LIHACHEV, D. S. (1997): «Konceptosfera russkogo jazyka», *Russkaja slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija*. Izd-vo «Academia». Moskva. S. 28–37.
- MAKAROV, L. M. (2003): *Osnovy teorii diskursa*. Izd-vo «Gnozis». Moskva.
- RJABKOVA, I. P. (2011): «Asimmetrija kognitivnyh priznakov koncepta kak istočnik perevodčeskijh trudnostej», *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 57. Izd-vo Chel. gos. un-ta. Cheljabinsk. S. 264–267.
- REFERENCE MATERIALS
- Bol'shoj juridicheskij slovar'*. BORISOV, A. B. (2010). Izd-vo «Knizhnyj mir». Moskva.
- Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii, Čast' 1, stat'ja 21*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9e6e097ccc381775641f6a57435aa14a854c504c/
- La Ley 4/2013, de 4 de junio, de Medidas de Flexibilización y Fomento del Mercado del Alquiler de Viviendas*. 13 p. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2013/06/04/4/dof/spa/pdf>
- Real Academia Española y Consejo General del Poder Judicial. *Diccionario del español jurídico* (2016). Espasa. Madrid. URL: <http://dej.rae.es>
- Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española* (2014). Espasa. Madrid. URL: <http://dle.rae.es/?w=diccionario>
- Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. OZHEGOV, S. I., SHVEDOVA, N. JU. (1995). Izd-vo «AZ». Moskva.

MATERIAL

- Contrato de arrendamiento. Retrieved from <https://www.legalitas.com/docs/divina-pastora/contratos/contrato-de-arrendamiento-de-vivienda.pdf>
- Rental contract. Retrieved from <https://clck.ru/RSVF4>